ДВУХЪ-АРШИННЫЙ НОСЪ.

- Ну, извощикъ, теперь мы съ тобой выѣхали на просторъ: за рогаткой не будетъ ѣзды такой, какъ въ городѣ, и разговориться тебѣ свободно: сказывай же!

- Да что, батюшка баринъ, что вамъ сказывать-то? Житье-бытье наше извѣстное - не барскому чета, а Бога гнѣвить нечего, жить можно.

- Оброку что платишь?

- Оброку? - да оброку-то, вишь, многонько платимъ; оно бы и ничего, кабы его добыть можно, а то, того гляди, поворотятъ тебя на работу, а въ дому-то и худо будетъ. Оброку чистаго платимъ мы съ тягла - сперва было сто-пятьдесятъ рублей, а таперь пошло на серебро, такъ положили сорокъ-пять цѣлковыхъ.

- И ужь больше нѣтъ повинностей никакихъ?

- Опричь того, три дня работы съ сохой, три дня жать, три дня косить, три

дня сѣно грести, да хлѣбъ перевозить на барское гумно, да три дня молотьбы, да опять хлѣбъ въ городъ свозить - вотъ эта гоньба одолѣла насъ, что стоянки за нею много - ну, да еще зимой двѣнадцать возовъ дровъ привезти изъ лѣсу, да десять рублевъ караульныхъ, на усадьбу, за сторожей; а тамъ казенное подушное внеси, да и ступай, куда хошь.

- А много ль это всего, по вашему счету, на деньги будетъ?

- Да на деньги, батюшка, коли то есть кто домой не ѣдетъ круглый годъ, ужъ чтобъ хозяйки его не обижали, нанимаетъ за себя, на все, - такъ сходитъ никакъ по двѣсти по двадцать ассигнаціями, и по тридцать. Все бы это ничего, кабы хоть ужь земля была - знали бы за что платимъ - а то землей мы больно обижаемся.

- А что, не хороша земля у васъ?

- Да ужь чего, хороша, батюшка: это извѣстно, Божье дѣло, не наше; какова ни есть, такову и паши; да пахать-то нечего; всего по двѣ мѣрочки посѣву - вотъ что.

- Видно плохо унавоживаете, то есть позему мало кладете?

- Э, баринушко, одной женой да одной коровой десятины не обрядишь, хоть что хошь дѣлай. Извѣстно, были бъ луга, держали бъ скотинку; анъ ихъ нѣтъ, ничѣмъ ничего, и сѣно купуешь. Да кабы еще ни казенный лѣсъ, такъ хоть трубу закутай, на круглый годъ, и дыму бъ не понюхалъ дома: лѣсъ у барина заповѣдной, что добудешь въ казенномъ бору, то и горитъ. Порядки-то нынѣ пошли вишь какіе, большіе, что проходишь да проѣздишь за выправкой, такъ ино и полѣно того не стоитъ; ну, а слава Богу, Бога гнѣвить нечего, все живется; что ни сорветъ лѣсной, а все безъ тепла не живемъ.

- Ну, и слава Богу, это, стало быть, ладно; теперь сказывай, какъ живешь у хозяина, почемъ, что зарабатываешь, да какова бываетъ удача.

- Да это, баринъ, извѣстное дѣло, нанялся - продался; семь дней работать, а спать на себя. Хозяинъ платитъ рублевъ двадцать въ мѣсяцъ, кормитъ, даетъ

верхнее платье; съѣздишь въ день - да не равно, какъ Богъ дастъ; на три, на пять и на десять ину пору, въ праздникъ, ассигнаціями то есть; за счастливымъ поѣдешь боронить по улицамъ, не зѣвай только, и посадишь, какъ разъ; только свалилъ его - другаго; а не задастся, такъ безъ почину домой пріѣдешь, и то бываетъ; либо и того хуже, какъ полубаринъ какой нибудь ѣздитъ, ѣздитъ цѣлый день, лошадь замучитъ, надо бы съ него получить рублей пять, а онъ соскочилъ гдѣ нибудь: сейчасъ братецъ, - да въ проходной дворъ и шмыгнетъ; вотъ и ищи его! а тутъ еще простоишь, да прождешь его часа два....

- Ну, а почему же хозяинъ учтетъ тебя: можетъ статься, ты обманешь его?

- Зачѣмъ обманывать, баринъ! Разумѣется, кто этого не боится - пожалуй, на то воля; да вѣдь ужъ этакой долго не наживетъ у хозяина, а новый ужъ того жалованья не положитъ тебѣ, что старый. Вѣдь они дѣло это знаютъ. Самъ утаишь, такъ лошадь скажетъ: вѣдь онъ видитъ, сколько то есть умучена она; опять же

выйдетъ посмотрѣть, какъ она ѣстъ. А конь, бываетъ, стоитъ, повѣсивъ голову, а ты съ недовыручкой, такъ вотъ онъ и знаетъ. Хозяинъ кладетъ кругомъ свой расходъ, на содержанье, съ квартирой, съ харчами, съ ковкой, со всѣмъ, какова цѣна бываетъ на овесъ, рубля три, и поменьше и побольше; на чай, на калачъ, хоть гривенникъ, хоть ину пору и два, это самъ хозяинъ велитъ: вѣдь мы обѣдаемъ ночью, какъ домой пріѣдемъ. Ну, а ужъ коли отъ тебя виномъ несетъ, такъ никакой выручкѣ не повѣритъ, этого не любитъ. Вотъ ужъ развѣ какъ самъ ину пору загуляетъ - ну, тогда и всѣ пошли, и нашего брата не удержишь. Тогда онъ, сердечный, какъ придетъ домой, а подъ шапкой - то есть - пойдетъ на конюшню, осмотритъ лошадей, глянетъ на ребятъ, что тоже есть хмѣльные - покачаетъ только головой: «ну, говоритъ, гуляй, ребята, покуда я гуляю; а вотъ ужо я васъ приму въ руки.... какъ бросимъ пить....» такъ опять и пошелъ по хозяйству, по прежнему, и даромъ что гулялъ, а все

знаетъ, все помнитъ, попрекнетъ каждаго всѣмъ, что было.

Если, примѣромъ сказать, какой грѣхъ случится надъ нашимъ братомъ, то хозяинъ въ счетъ ставитъ, вычитаетъ. Вотъ я возилъ разъ барина въ Парголово, а оттуда ѣхалъ ночью; грязь, темь, хоть глазъ выколи; пьяные чухны всю дорогу заставили - я и свалилъ дрожки въ канаву; бился, бился, не подыму одинъ, хоть надорвись; попросилъ чухонца - онъ, спасибо, пособилъ, да въ потьмахъ возжи и укралъ. Туда, сюда - нѣтъ; а возжи ременныя, плетеныя. Хозяинъ десять рублей и вычелъ! Въ другой разъ я, не знамши, арестанта посадилъ изъ госпиталей. Такъ ужъ тутъ не до того было, чтобъ съ него что взять, а насилу отъ него-то ушелъ: поймаютъ - за тобой еще пуще погонятся, чѣмъ за нимъ; съ него-то нечего взять. Нашъ братъ этого то и боится. Иной смѣлый лихачъ вонъ и съ мазуриками ѣздитъ по ночамъ, на хропокъ: двадцать-пять и пятьдесятъ рублей за ночь получаетъ - да нѣтъ, эта пожива плоха: у насъ былъ одинъ такой - пропалъ;

подъѣхали къ часовому мастеру, высмотрѣли, мазурикъ соскочилъ, да двери въ сѣняхъ приперъ полѣномъ, взялъ изъ саней такую рукавицу, съ гирей, пробилъ цѣльное окно, что захватилъ часовъ въ охабку, сорвалъ, на сани, да и удралъ. Мастеръ кинулся къ дверямъ, покуда догадался, что приперто, да побѣжалъ кругомъ, черезъ дворъ, а тутъ ужъ и слѣдъ простылъ. Однако, въ тѣ поры было, видно, такое время, что ловили ихъ, то есть по строгости, и поймали какъ-то, и пропалъ нашъ лихачъ, что слуху по немъ не стало.

Кто у колоды стоитъ, на хорошемъ мѣстѣ, да дешево не возитъ, тому невпримѣръ легче нашего брата. Лошадь у него сыта, меньше четвертака, а иной и полтинника, онъ ее и съ мѣста не тронетъ; съѣздитъ разъ, другой - на тоже наведетъ. Еще нашему брату по гривенникамъ того и не сколотить.

- Ну, любезный, а какія жь еще бывали съ тобой напасти?

- Отъ этаго не уйдешь, извѣстное дѣло, хоть какъ хочешь раскидывай умомъ.

Есть, спасибо, добрыхъ людей на свѣтѣ довольно. Богъ съ ними! все жить можно. Вотъ разъ, ѣду на острову, около Николаевскаго; баринъ какой-то, ужъ не молодой, и крестъ на шеѣ, - накупивши полный платокъ апельсиновъ, нанялъ и поѣхалъ. Я ѣду да ѣду - и не вдогадь мнѣ, что народъ смотритъ на сѣдока моего, ровно не видалъ его; вдругъ апельсины тѣ съ дрожекъ покатились - я оглянулся, а баринъ, ровно хмѣльной, голова мотается и самъ съ дрожекъ ползетъ. Испугался я, остановилъ лошадь, соскочилъ, не знаю, апельсины ль собирать, его ли придерживать - я къ нему, а онъ ужь Богу душу отдаетъ.... Такъ вотъ у меня ноги и подкосились: бѣда! Нечего дѣлать, повезъ я его прямо въ часть, спасибо не далече было; привезъ его чуть живаго, тутъ и померъ. Ну, и посадили меня: не такъ жаль себя, какъ сердешной лошади, - ужъ такъ жаль, такъ жаль, что индо плакалъ, ей Богу.... вотъ такъ вовсе замучили ее, такіе живодеры! кормить не кормятъ, а гонять гоняютъ, зря, кто куда попало.... Ахъ, ты

Господи Боже мой, что ты будешь дѣлать? вотъ бѣда пришла! Сижу; а меня только и выпускаютъ за тѣмъ, чтобъ, вишь, навозъ подгребать вокругъ лошади своей.... Побойтесь вы Бога, говорю, какой тутъ навозъ будетъ: скотина другія сутки не ѣвши, то есть вотъ хоть бы тебѣ зерно дали, былинку одну.... Какъ вывели меня на дворъ да взглянулъ я на нее сердешную, такъ вотъ я тебѣ и залился слезами: крюкомъ согнуло ее, кормилицу мою; сама стоитъ да изъ навоза-то и теребитъ соломку.... я такъ вотъ и взвылъ: что хотите дѣлайте, и дрожки возьмите, и кафтанъ съ меня возьмите, говорю, только меня съ нею отпустите! Вотъ въ тѣ поры и пропала таки лошадка эта у меня, не выходилъ ужь я ее, пала. Я и остался безъ рукъ. Нечего дѣлать, пошелъ опять къ хозяину, на чужихъ ѣздить.... А ее и татарамъ не продалъ, вотъ что, пожалѣлъ....

- А отъ своей у тебя многоль больше оставалось на очистку, чѣмъ отъ хозяина?

- Какже можно ровнять это! все таки своя лучше. Отъ своей закладки, кого Богъ благословитъ, иной годъ двѣсти-пятьдесятъ и триста рублей ассигнаціями на очистку выйдетъ. Ну, извѣстно, надъ кѣмъ бѣда встрясется, вотъ хоть бы какъ надо мной, что пропала лошадка, ни за грошъ, - ужь тутъ не до барышей: не до жиру, а быть бы живу. Оно, конечно, все ничего, жить можно, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, Бога нечего гнѣвить, лучше молчать. Вонъ у насъ сосѣдъ есть, тоже помѣщикъ называется, такъ семерыхъ въ одинъ кафтанъ согналъ - и то живутъ, да еще и пѣсни поютъ - вотъ какъ. Мало ли, на свѣтѣ не безъ того, есть всякая обида, да нашему брату надо терпѣть. Вотъ у насъ ину пору, напримѣръ, номерной староста кого вздумаетъ прижимать, коли изъ чести не дашь ему полтинника за выправку нумера: такъ чѣмъ ему взять? Вотъ онъ и пойдетъ наряжать тебя разъ въ разъ, какъ требуютъ извощика въ часть, глядѣть, когда надъ нашимъ братомъ расправа бываетъ, за какую провинность; вотъ онъ и наверстаетъ

тебѣ на тоже, и полтиннику не радъ будешь, а того гляди, безъ хлѣба останешься. Или вотъ городовой - ну, свезти бы его въ часть съ пьянымъ какимъ, что ли, это бы можно, ничего: такъ, вѣдь, тамъ-то стоишь послѣ, стоишь, уѣхать не смѣешь, покуда не отпустятъ, либо еще номеръ отберутъ: вотъ и находишься послѣ за нимъ. За то ужъ нашъ братъ знаетъ это: какъ только завидѣлъ его гдѣ, что оглядывается, то вотъ какъ зайцы изъ-подъ облавы, всѣ врознь, кто куда попало, только давай Богъ ноги.... ну ужъ за то, какъ оплошаешь да попадешься, такъ только держись.... А все ничего, слава Богу, то есть нечего Бога гнѣвить, жить можно.

- А рекрутство какъ у васъ идетъ?

- Да мы, благодаря Бога, некрутствомъ не обижаемся: у насъ хорошаго мужика не отдастъ баринъ ни за что, хоть сто лѣтъ живи; а вотъ какъ чуть который зашалитъ, такъ ему и забрѣютъ лобъ взачетъ, запасъ и есть; а наборъ пришелъ - квитанціи у барина готовы. А тамъ, у нихъ, есть

чередной, хоть жеребьевой, все одно: и очередь и жеребій, все въ волѣ Божьей да въ рукахъ начальства. Есть у меня тамъ кумъ, богатый мужикъ, да изъ-за этого самаго дѣла вотъ того гляди по міру пойдетъ: извѣстно, всякому своего жаль; мы того не разбираемъ, что и другому своего жаль: кошкѣ котя, а княгинѣ ребя - тоже дитя. Ну, какъ только наборъ скажутъ - а семья у него большая - такъ онъ и пойдетъ хлопотать; разъ усадилъ сотню другую невѣсть куда, и въ другой разъ, а въ третій ужь никакъ сотъ семь. Другіе извѣстно обижаются этимъ, ходятъ, просятъ, ярыжекъ зазываютъ, потчуютъ, задариваютъ, напиши, то есть просьбу; ну, тотъ, извѣстное дѣло, что богаче мужикъ, что больше съ него надѣется вымозжить, то и просьбу длиннѣе пишетъ и настрочитъ тебѣ въ просьбу то, чего и сроду не бывало, а можетъ статься, коли и было что, такъ, вѣдь, не обмотавъ вокругъ пальца не докажешь. Вотъ и сталъ виноватъ. Одного потянули, другаго потянули, всѣ перепугались, такъ что бѣда. За кого тутъ

взяться? извѣстно, за богатаго. Опять принялись за моего кума сердешнаго, да такъ то есть обработали его, что никуда не годится. А что проку? Годъ прошелъ, опять сказанъ наборъ, опять дѣло его не минуетъ: отбыть ужъ и не стало силъ; раззориться раззорился въ раззоръ, а року не миновалъ: среднему сыну-таки забрили лобъ.

- А у тебя изъ родни есть кто въ солдатахъ?

- Есть братъ, да не родной. Ну, нечего грѣшить, его таки отдали за дѣло: за свою правду сталъ, да уже задоренъ больно: вотъ хоть съ кѣмъ, такъ на драку готовъ. Отобрали, вишь, конопляникъ у него, что ужъ годовъ съ двадцать все владѣлъ и наземомъ поправлялъ, а отвели другой, почитай, что кочкарникъ, обдѣлывай дескать снова. Ну вотъ онъ тутъ за свою обиду и постоялъ да вилами всю одежу перепоролъ на томъ мужикѣ, за котораго съ барскаго двора, отъ самаго то есть господина, дѣвку отдали, а за нею и конопляникъ этотъ пошелъ, какъ будто то

есть въ приданое. Пришелъ самъ прикащикъ унимать, - ну, а братъ стоитъ себѣ съ вилами на сторонѣ, насторожѣ, на своемъ конопляникѣ, никого, говоритъ, не пущу, хоть что хошь дѣлай. Прикащикъ къ нему, да то есть, чтобы въ зубы его, а тотъ его по лбу вилами, да на нихъ же поднялъ, да черезъ тынъ и махнулъ; тотъ насилу всталъ, словно бока отлежалъ. Вотъ оно какое дѣло было. Ну, баринъ и осердился и приказалъ тотчасъ его сдать. Какъ сказали ему, что въ солдаты, такъ онъ и бросилъ вилы и пошелъ самъ, говоритъ: «Вилы какъ не смѣнить на государево ружье; пойду самъ, и никого не затрону, не опасайтесь.» Ну, и пошелъ; живетъ себѣ, ничего, служитъ не тужитъ; онъ прошлаго года писалъ домой, такъ пишетъ, что, благодаря Бога, жить можно на свѣтѣ. Оно и точно, сударь, можно, поколя Господь грѣхамъ терпитъ.

- Ты помянулъ, однако жъ, про двухъ покойниковъ, которыхъ возилъ, а разсказалъ только про одного: какой же такой былъ у тебя другой?

- А другой, батюшка, баринъ, былъ вотъ какой: на Маслянѣ посадилъ я подъ качелями двоихъ плотниковъ, что ли, какихъ-то, и везти было ихъ въ Ямскую. Оба они, правда, хмѣльны были, а одинъ такъ ужъ и вовсе ноги волокъ. Товарищъ втащилъ его, усѣлись, поѣхали. Въ Чернышевомъ переулкѣ вдругъ что-то у меня развалились сѣдоки, а сидѣли было сперва смирно; я оглянулся, одинъ глаза подъ лобъ закатилъ, а другой, соскочивъ съ саней, да давай Богъ ноги, - видно, со страху и хмѣль прошелъ, - такъ по Садовой и пустился. Гнаться мнѣ за нимъ нельзя, а, испугавшись бѣды, я остановилъ лошадь, поглядѣлъ на товарища его - ничего, молъ, Богъ милостивъ, видно больно хмѣленъ, отойдетъ. Усадивъ его кой-какъ въ сани, я скорѣе до мѣста; тамъ ребята обступили, какъ сталъ я доспрашиваться, гдѣ тутъ плотники живутъ. Посмотрѣли они на сѣдока моего, который уже весь подъ полсть съѣхалъ, узнали его въ лицо - это, говорятъ, Гришка, вонъ онъ гдѣ стоитъ, тамъ у него и хозяйка. Привожу туда,

спрашиваю гришкину хозяйку; она было вышла, да какъ поглядѣла на него, какъ увидѣла, что не живой, а ужъ онъ у меня и померъ въ саняхъ, такъ и откинулась: не принимаетъ, да и только, хоть ты что хошь дѣлай. - На что его мнѣ, говоритъ, ты, коли извощикъ, такъ живыхъ вози, а не мертвыхъ.

Я туда, сюда, народъ собрался, кричатъ, день же праздничный, кто говоритъ ей: прими, дура, вѣдь твой; кто кричитъ: не принимай, бѣда будетъ. Бился, бился: нечего дѣлать, повезъ въ часть... видно, такая моя доля! Наплакался я и этотъ разъ, и другу и недругу закажу покойниковъ возить: «Найди, говорятъ, да поставь намъ товарища его»; такъ гдѣ же я его возьму? «Ужь коли вы, господа, не отъищите его, такъ нашему-то брату гдѣ жъ его взять? Вѣдь, я посадилъ его на улицѣ, хлѣба-соли съ нимъ не важивалъ, паспорта его не прописывалъ и на умѣ его не бывалъ, не знаю, куда онъ повернулъ изъ Садовой, да куда удралъ; такъ, нѣтъ, говорятъ, подай: покуда его не найдемъ, и тебя не

отпустимъ. Лошадь же моя была хозяйская, такъ хозяинъ и хлопоталъ; подержали съ мѣсяцъ и выпустили.

- А вотъ, баринъ, помянулъ я про паспортъ, а вы про все распрашиваете, такъ къ пиву ѣдется, а къ слову молвится, - къ слову пришлось разсказать вамъ: вотъ за паспортъ притча была со мной, такъ, чай, сколько свѣтъ стоитъ, ни съ кѣмъ этого не бывало. Слыхали ль вы когда, чтобъ у нашего брата былъ носъ не по чину, въ маховую сажень? Ну, такъ вотъ я же вамъ разскажу: диво, ей Богу, да и только! Дѣло это было ужь годовъ тому семь. Я оброкъ уплатилъ впередъ за годъ, Богъ пособилъ, а у насъ безъ этого не пускаютъ; либо по третямъ вноси, такъ и билетъ на четыре мѣсяца выдадутъ. Вотъ я и взялъ паспортъ годовой и пошелъ, ни о чемъ не горюя. Въ тѣ поры поднялись мы, человѣкъ пять, сколотившись деньжонками, въ извозъ; товаръ клали недалече отъ себя, а везти было въ Москву. Въ одномъ городишкѣ - и на городъ-то не похожъ, хуже иной деревни - пошелъ одинъ изъ нашихъ прописать

паспорты, и, видно, прописывали по строгости, что недавно, вишь, насланъ былъ новый городничій, а стараго смѣнили; приходитъ - все ничего, и не впервые ужъ прописывались, даже не разъ становые и прочее начальство глядѣли. Ну, извѣстно, не безъ того, за прописку возьмутъ съ тебя и отпустятъ; а тутъ, вотъ кака притча сталась:

- Гдѣ у васъ Алексѣй Ѳедотовъ?

- При лошадяхъ остался.

- Пошли его сюда.

Прибѣжали ребята и кричатъ меня. Я пошелъ.

- Ты Алексѣй Ѳедотовъ?

- Я, молъ, сударь.

- А зачѣмъ ты съ чужимъ паспортомъ ходишь?

- Я, молъ, не знаю, сударь, какой изволите казать паспортъ, а у меня, надо быть, свой былъ.

- Нѣтъ врешь, примѣты не твои. Посадить его подъ караулъ!

«Вотъ тебѣ и расправа! А тутъ, батюшка, вотъ какая бѣда прикрутилась:

извѣстное дѣло, въ паспортѣ, супротивъ примѣтъ, писаря выставляютъ, какъ положено: ростъ - два аршина шесть вершковъ; лицо - круглое; волоса - русые; носъ - средній; подбородокъ - обыкновенный; а, видно, писаришко-то у насъ либо хмѣленъ былъ, проклятый, либо не доглядѣлъ, да противъ росту, поставилъ: средній, вмѣсто носу; а противъ носу - два аршина шесть вершковъ! Вотъ тебѣ и примѣта!

«Узнавъ все это, я и говорю:

- Помилуйте, не погубите, не держите, наше дѣло дорожное: намъ сутки простою съ лошадьми дороже головы.... помилосердуйте!

- Нѣтъ, говорятъ, паспортъ не въ порядкѣ, нето фальшивый, либо чужой.

- Чѣмъ же я виноватъ тому, что мнѣ тамъ прописали? Я человѣкъ не грамотный, взялъ, что подали - только и вины моей. А что носу такого нѣтъ у меня, батюшка, такъ гдѣ жъ его взять? Вѣдь это хоть по всему свѣту пройти, такъ такой не найдется!

Шутка, чтобъ носъ у тебя былъ въ два аршина въ шесть вершковъ! Эка штука!

«Вотъ какъ, батюшка, баринъ, и носъ этотъ, по строгости тогдашней и по новости городничаго, дорого намъ обошелся....

«А все, слава Богу, нечего гнѣвить Его милосердіе, жить нашему брату можно. Какая бѣда хоть и станется надъ нами, подъ лихой часъ, все по грѣхамъ нашимъ; а поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ, все жить можно.